

Иосиф Бродский
БАБОЧКА

I

Сказать, что ты мертва?
Но ты жила лишь сутки.
Как много грусти в шутке
Творца! едва
могу произнести
"жила" - единство даты
рождения и когда ты
в моей горсти
рассыпалась, меня
смущает вычесть
одно из двух количеств
в пределах дня.

II

Затем, что дни для нас -
ничто. Всего лишь
ничто. Их не приколешь,
и пищей глаз
не сделаешь: они
на фоне белом,
не обладая телом,
незримы. Дни,
они как ты; верней,
что может весить
уменьшенный раз в десять
один из дней?

III

Сказать, что вовсе нет
тебя? Но что же
в руке моей так схоже
с тобой? и цвет -
не плод небытия.
По чьей подсказке
и так кладутся краски?
Навряд ли я,
бормочущий комок
слов, чуждых цвету,
вообразить бы эту
палитру смог.

Joseph Brodsky
BUTTERFLY

I

Should I pronounce you dead?
You lived through one day's sunrise.
The Author's jokes are sometimes
so sad! That said,
I hardly can confirm
"you lived" – your date of birth and
the date when you dispersed at
my hand conform,
which makes me hesitate
subtracting out
the earlier amount
within one day.

II

Because a day for us
is nothing. *Nihil.*
It won't stay on a needle
to please our eyes.
Imponderable, vain
by every count,
days on the white background
of time remain
invisible. Aren't they
like you? Or rather,
how much can weigh a dozen
times shrunk one day?

III

Should I deny that you
exist? But what is
this looking-like-you goddess?
And doesn't hue
non-nothingness imply?
Whose mind envisioned
this painting composition?
Unlikely I,
a muttering disease,
so color-meager,
could have imagined figures
and tints like these.

IV

На крылышках твоих
 зрачки, ресницы -
 красавицы ли, птицы -
 обрывки чьих,
 скажи мне, это лиц,
 портрет летучий?
 Каких, скажи, твой случай
 частиц, крупиц
 являет натюрморт:
 вещей, плодов ли?
 и даже рыбной ловли
 трофей простерт.

V

Возможно, ты - пейзаж,
 и, взявши лупу,
 я обнаружу группу
 нимф, пляску, пляж.
 Светло ли там, как днем?
 иль там уныло,
 как ночью? и светило
 какое в нем
 взошло на небосклон?
 чьи в нем фигуры?
 Скажи, с какой природы
 был сделан он?

VI

Я думаю, что ты -
 и то, и это:
 звезды, лица, предмета
 в тебе черты.
 Кто был тот ювелир,
 что, бровь не хмуря,
 нанес в миниатюре
 на них тот мир,
 что сводит нас с ума,
 берет нас в клещи,
 где ты, как мысль о вещи,
 мы - вещь сама.

IV

Your little wings display
 big pupils, lashes.
 Whose faces do these splashes
 of dye portray?
 Is it a belle, a bird?
 Or maybe neither,
 and on your flitting easel,
 a Nature *Morte*
 is painted: dishes, breads,
 or beans of coffee,
 and even – look! – a trophy
 of fishing spreads.

V

Perhaps, armed with a lens,
 I would discover
 a landscape: meadows, flowers,
 a group of friends.
 Tell, is it daylight bright?
 or filled with graveness
 like night? And on your canvas,
 what astral lights
 illuminate the view?
 what constellations?
 Which real life location
 inspired you?

VI

I think, there coexist
 and this, and those:
 a star, a face, a rose
 in you persist.
 Who was the artist-mage
 that did not falter
 and made your elfin altar
 a world-like stage,
 world – of our broken wings,
 our hard-learned lessons,
 where you are things' quintessence,
 and we the things.

VII

Скажи, зачем узор
такой был даден
тебе всего лишь на день
в краю озер,
чья амальгама впрок
хранит пространство?
А ты – лишает шанса
столь краткий срок
попасть в сачок,
затрепетать в ладони,
в момент погони
пленишь зрачок.

VIII

Ты не ответишь мне
не по причине
застенчивости и не
со зла, и не
затем, что ты мертва.
Жива, мертва ли -
но каждой божьей твари
как знак родства
дарован голос для
общенья, пенья:
продления мгновенья,
минуты, дня.

IX

А ты - ты лишена
сего залога.
Но, рассуждая строго,
так лучше: на
кой ляд быть у небес
в долгу, в реестре.
Не сокрушайся ж, если
твой век, твой вес
достойны немоты:
звук - тоже бремя.
Бесплотнее, чем время,
беззвучней ты.

VII

Explain, why such decor
was to expire
so early in the shire
of lakes, which store
the éxcess of expanse,
although inverted?
And you – this hurry thwarted
your every chance
to gratify,
let chasing, catching linger,
thrill in one's fingers,
enchant the eye.

VIII

It isn't your caprice,
that you ignore this
interrogation, nor is
an oath, nor is
your death your true excuse.
All living creatures,
among their common features,
like kinship clues,
are granted voices – for
conversing, singing,
rehearsing or rethinking
a day, and more.

IX

And you – you are deprived
of said endowment.
But seizing more – avow it! –
would not feel right.
Why be on Heaven's writs,
in debt, on welfare?
So don't lament yourself for
your weight's, your wit's
deserving this taboo:
Voice burdens, trust me.
More aerial than dust, be
more silent, too.

X

Не ощущая, не
дожив до страха,
ты вьешься легче праха
над клумбой, вне
похожих на тюрьму
с ее удушьем
минувшего с грядущим,
и потому
когда летишь на луг
желая корму,
приобретает форму
сам воздух вдруг.

XI

Так делает перо,
скользя по глади
расчерченной тетради,
не зная про
судьбу своей строки,
где мудрость, ересь
смешались, но доверясь
толчкам руки,
в чьих пальцах бьется речь
вполне немая,
не пыль с цветка снимая,
но тяжесть с плеч.

XII

Такая красота
и срок столь краткий,
соединясь, догадкой
кривят уста:
не высказать ясней,
что в самом деле
мир создан был без цели,
а если с ней,
то цель - не мы.
Друг-энтолог,
для света нет иголок
и нет для тьмы.

X

With consciousness withdrawn,
exempt from terror,
you flutter in the air
above the lawn
beyond the prison-like,
twice tears half laughter,
anterior and hereafter,
and this is why
when you are searching for
your proper nurture
the very space, by virtue
of this, reforms.

XI

So does a poet's pen,
that lonely slithers
along the notepad, neither
aware of when
nor what awaits its script,
where moonshine, wisdom
are mixed, but irresistible
that pulsing grip,
whose voiceless jolts convey
rejoicing, grieving,
not buds – of dust relieving,
but souls – of weight.

XII

Such pleasure to the eyes
and matching briefness
combine into a grimace
of grim surmise:
Alas, one must admit,
the Universe's
creation had no purpose,
and if it did,
the purpose wasn't us.
My friend bug-lover,
in truth, light cannot hover,
nor darkness buzz.

XIII

Сказать тебе "Прощай"
 как форме суток?
 Есть люди, чей рассудок
 стрижет лишай
 забвенья; но взгляни:
 тому виною
 лишь то, что за спиною
 у них не дни
 с постелью на двоих,
 не сны дремучи,
 не прошлое - но тучи
 сестер твоих!

XIV

Ты лучше, чем Ничто.
 Верней: ты ближе
 и зримее. Внутри же
 на все на сто
 ты родственна ему.
 В твоём полете
 оно достигло плоти;
 и потому
 ты в сутолке дневной
 достойна взгляда
 как легкая преграда
 меж ним и мной.

XIII

Like days, you have elapsed.
 "Farewell!" – as always.
 Time shaves some minds as bald as
 does ringworm scalps.
 But take a closer look:
 behind the client
 of time-the-barber fly not
 his fortune's flukes,
 nor dates with beds for two,
 nor dreams amorphous,
 not former times. – A swarm of
 your siblings do!

XIV

You're better than the Naught.
 Or rather, nearer.
 Yet, from within, I fear,
 you are a lot
 like it: its kin, its kind.
 In your brief instance,
 it has achieved existence;
 and that is why,
 amid our fuss and flit,
 you're worth regarding
 as something gently guarding
 my self from it.